

ГЛАВА I

Все это случилось однажды в день выборов. После полудня я выехал из ранчо, спустился в Лунную Долину и направился в маленькую деревушку, чтобы голосовать *за* или *против* ряда поправок к конституции штата Калифорния. День был жаркий, и я несколько раз выпил до голосования и много раз — после. Затем, поднявшись на покрытые виноградниками и лугами холмы, я приехал на ранчо, когда уже была пора ужинать, и снова выпил перед ужином.

— Как вы голосовали: за женское равноправие или против? — спросила меня Чармиан.

— Я голосовал *за*.

Она вскрикнула от изумления. Да будет всем известно, что в дни моей юности я, несмотря на свой пылкий демократизм, не сочувствовал идее женского равноправия. Даже в позднейшие годы я относился к этой неизбежной социальной реформе без всякого энтузиазма.

— Но почему же вы голосовали *за*?

Я начал отвечать подробно и с раздражением. Чем больше я объяснял, тем больше сердился. (Нет, я не был пьян. Лошадь, на которой я ездил, недаром звали Разбойник. Хотел бы я видеть пьяного верхом на этой лошади!)

И однако... как бы это лучше сказать? Я был возбужден, чувствовал себя хорошо, был в приподнятом настроении.

— Когда женщины добьются избирательного права, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков, — сказал я. — Только женщины — жены, сестры и матери — смогут вбить гвоздь в гроб Джона Ячменное Зерно.

— Но мне казалось, что вы в дружбе с Джоном?.. — заметила Чармиан.

— Я его друг. Я был его другом. А теперь нет. И никогда не был. Меньше всего я его друг в то время, когда он со мной и когда кажется, что я его друг. Он — царь лжи. Он — воплощенная правдивость. Когда бываешь с ним, то кажется, что находишься в обществе богов. Но он также в союзе и с Курносой. Его путь ведет к неприкрашенной правде и к смерти. Он обладает ясновидением и видит мутные сны. Он — враг жизни, он учит мудрости, потусторонней мудрости жизни. Он — убийца с окровавленными руками. Он — удалая молодость.

Чармиан смотрела на меня, и по глазам ее было видно, что она задается вопросом, где я успел так напиться?

А я все говорил и говорил. Я был взвинчен. Каждая мысль в моем мозгу сидела в своей маленькой клетке, словно присев на пороге у самой двери, как узник в камере, дожидаящийся, когда откроются двери. И каждая мысль была откровением, ярким образом, четким, не смешивающимся с другими. Мой мозг был озарен ярким, блестящим светом алкоголя. На Джона Ячменное Зерно нашел правдивый стих, и он охотно раскрывал через меня как посредника свое тайное «я». Я был его оратором. Воспоминания прошлого воскресали в моем мозгу и вытянулись в ряд, как солдаты на параде. Мне оставалось только выбрать любое. Я вполне владел своими мыслями и находил как раз нужные слова. При мне был весь мой жизненный опыт, я безошибочно находил нужные мне факты и строил изложение. Так обманывает и издевается Джон Ячменное Зерно, причудливо изощряя ум, нашептывая роковые истины и прорубая яркие просеки в монотонной обыденности.

Я обрисовал Чармиан мою жизнь, объяснил ей, какой я человек. Я доказывал ей, что я вовсе не потомственный

алкоголик, что в моем организме нет и следа врожденного органического влечения к алкоголю. В этом отношении я рос нормальным человеком. Влечение к алкоголю было у меня благоприобретенное. С трудом приобретенное. Вначале алкоголь вызывал во мне какое-то отвращение, как любое лекарство. Мне и теперь не нравится его вкус. Если я пью его, то только за тот удар хлыстом, который он дает. Но между пятью и двадцатью пятью годами я не ценил в нем даже этого. И только после двадцатилетнего обучения мой организм до некоторой степени приспособился к нему, и я, преодолев отвращение, выработал привычку к алкоголю.

Я рассказал Чармиан, как в первый раз познакомился с алкоголем, как впервые напился, как я чурался его раньше, и объяснил ей, что приучила меня в конце концов к алкоголю главным образом его доступность. Алкоголь не только всегда доступен, но и всегда под рукой. Какой бы профессией я ни занимался — был ли рудокопом, матросом, торговал ли на улицах газетами или просто путешествовал по чужим краям, — я видел вокруг себя алкоголь.

Где бы и когда бы ни сходились люди, ради каких бы то ни было целей — для веселья, для обмена мыслями, для обдумывания какого-либо предприятия или просто для того, чтобы отдохнуть от изнурительного труда, всегда связывал, объединял их алкоголь. Местом сборищ для людей был кабак, как для их пещерных предков — костер.

Я напомнил Чармиан, как на островах Тихого океана ее не пускали в священные хижины, бывшие для женщин табу, нарушение которого каралось смертью. Лохматые каннибалы уходили туда от своих жен, чтобы по пьянствовать и повеселиться на свободе. В молодости я часто искал в кабаке спасения от женской опеки; там я попадал в мир мужчин, где было больше простора и шири. Все

дороги, полные романтических приключений, вели в кабак и оттуда расходились по всему свету.

— Суть в том, — закончил я свою проповедь, — что я пристрастился к алкоголю главным образом благодаря его доступности. Вначале я был к нему равнодушен и даже смеялся над ним, но в конце концов все-таки сделался пьяницей. Влечение к алкоголю прививалось мне в течение двадцати лет, а в продолжение остальных десяти оно пускало в моем организме все более глубокие корни. Однако удовлетворение этого влечения никогда не доставляло мне никакого удовольствия. По натуре я человек жизнерадостный и веселый, а выпив, становлюсь мрачным пессимистом.

— Но, — поспешил я добавить, как привык делать всегда, — надо правду сказать: Джон Ячменное Зерно правдив. Он говорит правду, срывая личину с истин, которые мы называем правдой жизни, и показывает, что они — ложь. В этом его сила.

— Это не улучшает жизни, — сказала Чармиан.

— Совершенно справедливо. В этом его трагедия. Он ведет к гибели, и поэтому я голосовал сегодня за женщин.

Я вспомнил свою жизнь, вспомнил, какую роль в моей привычке к алкоголю сыграла его доступность. Очень немногие люди рождаются алкоголиками. Я называю алкоголиками людей, у которых организм требует алкоголя и бессилен перед ним. Большинство пьяниц не только не чувствовали раньше влечения к алкоголю, но даже испытывали отвращение к нему. Ни первая, ни двадцатая, ни даже сотая рюмка не формирует еще привычки. Люди учатся пить так же, как они учатся курить. Но к пьянству привыкнуть труднее, чем к курению. Привычка к алкоголю обуславливается его доступностью. Это хорошо знают женщины, испытавшие все на собственной шкуре, — жены, сестры и матери. Когда

женщины будут иметь право голоса, они будут голосовать за запрещение спиртных напитков. Благодаря этому новое поколение не будет знать алкоголя и не будет испытывать влечения к нему, а следовательно, не будет и чувствовать лишения от того, что его нет. От этого выиграют и мужчины — их жизнь станет полнее и содержательнее, и женщины, которые будут жить с этими новыми мужчинами.

— Почему вы не напишете книгу об этом в назидание грядущему поколению? — спросила Чармиан. — Чтобы жены, сестры и матери знали, за что им голосовать.

— «Воспоминания алкоголика»? — я криво усмехнулся. Впрочем, скорее не я усмехнулся, а Джон Ячменное Зерно; это он подсказывал мне все эти благонамеренные софизмы, и именно он скривил мою улыбку в насмешку. Он любит такие штуки.

— Зачем вы так говорите? — перебила Чармиан, не замечая издёвки Джона. — Вы ведь сами говорите, что вы не алкоголик, а всего лишь пьющий человек. Вы хорошо познакомились с Джоном Ячменное Зерно. Опишите это знакомство и назовите вашу книгу «Воспоминания об алкоголе».

ГЛАВА II

В начале я попрошу читателя постараться понять, о ком и о чем я пишу, потому что, только поняв меня, он сможет проникнуться ко мне должным сочувствием. Во-первых, я должен сказать, что я не заядлый пьяница с врожденным влечением к алкоголю, я не дурак и не обладаю слишком сильным животным инстинктом. Я знаю все, что можно сказать о Ячменном Зерне, от альфы до омеги, и, напиваясь, прекрасно вла-

дею собою. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня укладывали спать. Короче говоря, я — обыкновенный, нормальный человек и пью, как все. В этом вся суть. Я хочу описать, как действует алкоголь на обыкновенного, нормального человека. Настоящих алкоголиков, маньяков пьянства, которых сравнительно мало, я касаться не буду.

Пьющие делятся на два типа. Тип первый, всем хорошо известный: это тупые существа, не одарённые фантазией, с оцепеневшими в оцепенелых причудах мозгами. Они ходят качаясь, широко расставив ноги, и обычно кончают тем, что сваливаются в канаву. Заканчивается это состояние тем, что перед глазами у них начинают мелькать розовые слоны и голубые мыши. Над пьяницами этого типа обычно оттачивают свое дешёвое остроумие юмористические журналы.

Второй тип — люди с большим полетом фантазии, обладающие пронизательностью. Походка у них твердая даже тогда, когда алкоголя ими принято предостаточно. Они никогда не выписывают вензеля, всегда устойчивы и никогда не теряют сознания. Опьянение касается только их мозга, но совершенно не властно над телом. Такой человек может быть веселым и остроумным; у него могут быть видения и фантазии космического масштаба, подавляющие своей железной логикой. В этом состоянии он срывает с жизни ее обманчивые покровы, и взорам его представляется сковывающее его дух железное кольцо необходимости. Это часть наивысшей власти Ячменного Зерна. Напиться до такой степени, чтобы упасть в канаву, — дело не хитрое и доступно каждому. Но страшно, когда твердо стоящий на ногах человек спокойно приходит к выводу, что единственный путь к освобождению — это ускорить свою смерть. Это час Белой Логике, когда человек понимает, что он может узнать лишь законы, которые управляют вещами, но что ему никогда